

Комментарий - 25 янв. - с. 22.

Молодому прозаику Александру Иличевскому вряд ли сравниться по популярности с Алексеем Ивановым. Однако он уже признан одним из лучших рассказчиков года по версии премии имени Казакова. Рассказ Иличевского «Воробей», вошедший в краткий список Казаковки, стал и ударным текстом нового сборника «Бутылка Клейна». Рассказ мерцает, как маяк, и напоминает нам о прозе Андрея Платонова. Современный автор платоновскими красками рисует страшную картинку никого не щадящего голода 1930-х. Воробью, только успевшему присесть на первый абзац, тут же отрывают голову («свернуть, как курице, не вышло»). Но героиня рассказа Акулина не в силах отдать «добавку» своему голодному маленькому сыну, тем самым обрекая его на смерть: «„Вот ты, Вань, хитренький какой“, — сказала Кулюша, проглотила и дохлебала оставшееся».

Затем действие переносится в сегодняшний день: Акулину, пережившую своего мужа и двоих детей, вспоминает рассказчик. Тут следует самое трудное: ведь после того голода и после Платонова уже прошло кое-какое время. Александр Иличевский, даром что по образованию математик, замыкает круг логически. Вот рассказчик попадает на склады, где в голодные годы хранились тонны «стратегических запасов страны». Здесь тогда кружили целые полчища воробьев. Рассказчик находит несколько символических зернышек, чтобы прорастить их, сделать из муки просфору и «угостить» ею того самого «хитренького» Ваню. Воробей — зерно — человек — воробей... Так в своих графических композициях ловил дурную бесконечность художник Эшер.

Поиски Александра Иличевского чем-то напоминают ученические годы «Серрапионовых братьев», и в первую очередь Каверина. Тот грезил Гофманом. Александр Иличевский вызывает духов Андрея Белого, Кржижановского и Набокова (тут, правда, автор, несколько лет проживший за границей, поотстал: у нас мода подражать набоковскому «Приглашению на казнь» давно прошла). Писатель смело наворачивает какие-то полуфантастические сюжеты (в одном романе некий злой гений психиатрии строит в русской глубинке мрачный и величественный «хоспис», чтобы помогать подопытным людишкам уходить в мир иной, в другом ищут какой-то драгоценный камень). Причем автор, кажется, и не особо рассчитывает на тех, кто решится окунуться в эти полупоэтические фантазии вместе с ним. Впрочем, достаточно знака. Прочтите хотя бы «Воробья» — и вы почувствуете особое отношение к русской литературе, будь то Платонов, Зощенко или Набоков. Тут даже можно провести аналогию с отношением к женщине: ее не используют, над ней не издеваются, ее, может, и не любят, но в ней по-настоящему нуждаются.